

© 1991 г.

МУРЯСОВ Р. З.

НОМИНАЛИЗАЦИЯ И АСПЕКТОЛОГИЯ

Аспектуальность относится к наиболее распространенным в языках мира категориям и является, по мнению некоторых лингвистов, более универсальной, чем даже категория времени [1—4], причем эти две категории выступают обычно в виде сопряженного аспектуально-темпорального комплекса [5]. В данной работе, вслед за А. В. Бондарко, аспектуальность понимается как «функционально-семантическое поле, конституируемое взаимодействующими языковыми средствами (морфологическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, лексическими и их разнообразными сочетаниями), объединенными общностью семантических функций, которые принадлежат к области аспектуальных отношений, т. е. отношений, содержание которых заключается в передаче характера протекания и распределения действия во времени» [3, с. 76]. Данное определение аспектуальности, базирующееся на полевом, функционально-семантическом подходе к анализу категорий русского языка, *mutatis mutandis* можно признать корректным и по отношению к одноименной категории в других языках, хотя смысловая глубина, формально-языковая маркированность и удельный вес каждого из уровней, участвующих в ее языковой объективации, будут варьировать в разных языках в зависимости от их внутреннего строения и языковой «техники». В и.-е. языках этой категории присущ неодинаковый уровневый статус. Любая функционально-семантическая категория обладает четкой конфигурацией и языковой рельефностью при наличии у нее грамматической доминанты, грамматического ядра. С этой точки зрения отправным пунктом, своего рода эталоном при описании категории аспектуальности в других, неславянских и.-е. языках может служить русский язык, в котором данная категория характеризуется многоуровневой структурой и располагает не только достаточно последовательно выраженной доминантой, но и богатым набором способов действия, квалифицируемых как лексико-грамматические разряды.

Во избежание терминологических недоразумений и учитывая качественную неоднородность конститuentов данной функционально-семантической категории в разных языках, представляется необходимым внести ясность в основные понятия аспектологии, связанные с разными уровнями ее анализа, что особенно актуально для немецкого языка, в котором аспектуальность лишена морфологического ядра. Следует выделить четыре слоя аспектологических терминов, находящихся в отношениях иерархического соподчинения по степени обобщенности выражаемых ими понятий. Наиболее обобщенным, родовым (*Oberbegriff*) понятием теории аспектологии, имплицитующим его межуровневый характер, является понятие аспектуальности, которое составляет содержательный стержень, основу одноименного функционально-семантического поля. Второй ряд

представлен в виде терминологической корреляции «совершенный вид — несовершенный вид» (СВ/НСВ). «О виде, — пишет Ю. С. Маслов, — можно говорить только применительно к таким языкам, в которых те или иные аспектуальные значения... получают открыто (или чисто) грамматическое выражение, т. е. в значительной части глагольной лексики выступают как противопоставление словоформ одного глагола» [2, с. 9]. Идеальной формой морфологической маркированности вида можно считать видовую пару, определяемую как «пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида» [5, с. 583]. Правда, как указывают некоторые языковеды, лишь две трети глаголов русского языка способны к образованию видовых пар [6, с. 94—95]. Остальные глаголы являются одновидовыми: *perfectiva tantum* или *imperfectiva tantum*.

Вошедшую в лингвистический обиход и получившую достаточно широкое распространение в лингвистических исследованиях XIX в. аспектуальную пару «*perfektiv — imperfektiv*» некоторые лингвисты, прежде всего младограмматики, в поисках категории вида в немецком языке стали употреблять также для обозначения аспектуальных значений, выражаемых префиксальными глаголами, усматривая в префиксах средство перфективации, по аналогии со славянскими языками [7, s. v. Aspekt; 8]. Однако в результате многочисленных исследований выяснилось, что немецкому языку чужда категория аспекта в том виде, как она представлена в русском языке. Экстраполяция терминов русской аспектологии в немецкую глагольную систему повлекла за собой их ошибочную интерпретацию, сохраняющуюся по сей день как в академических изданиях немецких грамматик, так и в специальных исследованиях по аспектологии немецкого глагола. В зарубежной германистике, а вслед за ней и в советской лингвистике, нередко оговаривая, что термины «*perfektiv — imperfektiv*» соответствуют русской терминологической паре «совершенный вид — несовершенный вид», используют их одновременно для обозначения так называемых Aktionsarten, представляющих собой при ближайшем рассмотрении не что иное, как способы действия (собственно термин «способ действия» представляет собой прямой перевод немецкого «*Aktionssart*»). Тем самым термин грамматического ранга в русском языке при описании немецкого глагола переосмысливается *volens volens* как термин рангом ниже, а именно, для описания способов действия, квалифицируемых либо как семантические признаки глагольных лексем, либо как лексико-грамматические разряды, либо как аспектуальные категории уровня пропозиции. Известно, что в основе способов действия лежит признак предельности—непредельности. Понятие предельности—непредельности пересекается с понятием перфективности — имперфективности, но они ни в коем случае не покрывают друг друга. Таким образом, в германистике термины «перфективный — неперфективный» включают в себя как оппозицию грамматического уровня «совершенный вид — несовершенный вид», так и семантическую или лексико-грамматическую категорию предельности—непредельности. Немецкие языковеды применительно к немецкому глаголу используют термины «*perfektiv — imperfektiv*» как синонимы терминам «*punktuell*» («точечный, моментальный») и *resp.* «*durativ*» («длительный») (ср. [9, с. 501; 10, с. 93]). С общезнаковой точки зрения употребление терминов «*perfektiv — imperfektiv*» при описании аспектологических признаков немецких глагольных лексем следует признать теоретически несостоятельным и вводящим в заблуждение. Аспектуальную специфику глагольной лексики

в немецком языке адекватно отражают термины «терминатив» (ср. лат. *terminus* «граница») и «атерминатив».

Оппозиция «*perfektiv — imperfektiv*» оправдана, однако, при описании аспектуальных значений пропозиций (матричных или номинализованных) и отдельных грамматических форм глагола, выражающих законченное действие или указывающих на достижение предела действия. Так, можно говорить о перфективном значении прич. II предельных глаголов в атрибутивном употреблении (*das gelesene Buch, der angekommene Zug*) и о видовой оппозиции «прич. II (предельных глаголов): прич. I» по признаку «перфективность — имперфективность».

Следующей, важной для функционально-семантической категории аспектуальности в целом характеристикой является деление глаголов на предельные и непредельные (лексико-грамматические разряды) [5, с. 585]. Причем способы действия также определяются как лексико-грамматические разряды. В связи с этим возникает необходимость уточнить соотношение категории предельности—непредельности со способами действия. То, что обе категории квалифицируются как лексико-грамматические разряды, оправдано, т. к. и противопоставление по признаку предельности—непредельности, и вычленяемые при этом способы действия представляют собой аспектологические классы и субклассы, содержащие в своем лексическом значении обобщенные, категориальные компоненты, которые относятся к ведению «скрытой» грамматики и являются «грамматическими сигналами, имплицитно содержащимися в ... семантике слов» [11]. Такого рода семантические признаки обуславливают полноту или, наоборот, ущербность грамматической парадигматики того или иного класса. Предельность—непредельность, будучи фундаментальной, основополагающей аспектологической дихотомией, играет роль скрытого регулятора функционирования не только категории вида, но и времени. Несмотря на то, что вид (аспект) и лексико-грамматический разряд предельности—непредельности представляют собой взаимосвязанные и родственные аспектологические категории — обе категории указывают на характер протекания действия, — они различаются в том, что вид относится к категориям «интерпретационным» [12], т. е. в нем отражается, говоря словами Б. Комри, оценка, видение внутренней темпоральной структуры ситуации («*viewing... of the internal temporal constituency*») с позиций говорящего [13], а способ действия относится к объективной категории¹. При этом прежде всего речь идет о фазовых способах действия ([14—16], ср. [9, с. 50]).

В советской аспектологии широко известны определения способов действия, данные Ю. С. Масловым и авторами Гр.-80. «Способы действия, — пишет Ю. С. Маслов, — могут быть определены как некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [2, с. 12]. В Гр.-80 способы глагольного действия определяются как «семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количествен-

¹ К. Бейц считает такое противопоставление не абсолютным, так как некоторые видовые значения могут быть объективными, а способы действия могут содержать элементы оценки [17].

ных и специально-результативных характеристик» [5, с. 585]. На обязательной словообразовательной маркированности способов действия настаивали также А. В. Исаченко и М. Дейчбейн [18, с. 387; 14, с. 80]. Согласно другому пониманию, способы действия являются лексико-семантическими категориями, ингерентно присущими лексическому значению глагола [19, с. 103; 20, 21].

Таким образом, иерархию основных аспектологических понятий можно представить в виде нисходящей по степени обобщенности линии: аспектуальность (межуровневое понятие) — вид (морфологическое понятие) — предельность — непредельность (лексико-грамматические разряды) — характеризованные и нехарактеризованные способы действия (они, особенно последние, ориентированы на лексическую семантику глаголов, т. е. лексикоцентричны). Предельность—непредельность могут рассматриваться также как наиболее абстрактные способы действия, являющиеся, по словам А. В. Бондарко, «основным, доминирующим, „вершинным“ в иерархии аспектуальных признаков» [3, с. 80]. Подчеркивая различия между видом и аспектуальностью, Ю. С. Степанов пишет: «Вид представляет собой особую разновидность в категории „аспектуальности“ в широком смысле слова. „Аспектуальность“ есть категория высказывания, заключающаяся в обозначении типов предела действия в данном высказывании» [22].

Что касается немецкого языка, то аспектуальность относится к числу функционально-семантических полей без грамматического ядра, и поэтому, как уже было подчеркнуто нами выше, использование оппозиции «*perfektiv — imperfektiv*» по отношению к глагольной лексике следует признать теоретически несостоятельным². В немецком языке нет аспектуальной категории, эквивалентной по уровневому статусу категории вида в русском языке (см. обзор литературы по этой проблеме в работе С.-Г. Андерссона [23]). Правда, некоторые германисты приходят к экстремальным выводам — они отрицают существование в немецком языке не только категории вида, а и *Aktionsart*'ов, т. е. способов действия [24]. Характерно, что несмотря на отсутствие грамматической категории вида в немецком языке, трудно найти общеграмматические исследования или работу, посвященную морфологии немецкого глагола, которые бы обошлись без упоминания категории аспектуальности.

В качестве средств выражения аспектуальных значений в немецком языке перечисляются лексические основы глаголов, словообразовательные фрагменты, сочетания глаголов с объектами или обстоятельствами. Всевозможные аспектуальные значения выражаются также разного рода лексическими средствами типа *oft*, *regelmäßig*, *jeden Tag*, *ab und zu* и др. для выражения итеративности, *plötzlich*, *blitzartig*, *auf einmal*, *im Nu*, *sofort*, *gleich* и т. п. для выражения моментальности и т. д. [25, 26].

При описании категории аспектуальности в немецком языке следует дифференцировать три взаимосвязанных, но лингвистически разных явления, а именно: 1) классификацию глаголов на основе аспектуального

² Правомерность такого рода утверждения очевидна, так как почти любому так называемому «перфективному» глаголу немецкого языка в русском языке соответствуют две формы одного и того же глагола, образующие видовую оппозицию СВ / НСВ, ср.: *aufblühen* «расцвести / расцветать», *einschlafen* «засыпать / уснуть», *erwachen* «просыпаться / проснуться» и т. д. Сказанное выше не противоречит тому, что в немецком языке имеются глаголы с «перфективным» лексическим значением, выражающие действия, не допускающие процессуализации и осуществляющиеся мгновенно, в один прием, например, моментативы (*bersten*, *platzen*, *stürzen*), ингрессивы (*losrennen*, *losschreien*) и т. п.

признака в его инфинитивной форме, вне зависимости от контекста, т. е. лексико-центрический подход; 2) аспектуальные признаки, получаемые глаголами благодаря своим синтагматическим свойствам, прежде всего объектам и обстоятельственным актантам; 3) выражение аспектуального значения перфективности (сов. вида) и имперфективности (несов. вида) как сопряженных категориальных сознаний временных форм. Последние два типа выражения аспектуальных значений фразоцентричны. По отношению к первым двум типам аспектуальных значений оправданно использование оппозиции терминативность—атерминативность, что соответствует категориям предельности—непредельности. При описании аспектуальных значений глагольных форм в составе пропозиций правомерна терминологическая оппозиция «перфективный—имперфективный». Последнее допустимо также по отношению к оппозиции «прич. II — прич. I». Что касается временных форм глагола, то здесь перед исследователем предстает сложная и противоречивая картина. С.-Г. Андерссон, В. Флемиг, В. А. Жеребков, В. М. Павлов, Е. И. Шендельс и др. лингвисты отмечают различную аспектуальную «нагрузку» временных форм немецкого языка [23, с. 130; 27, с. 283; 28; 29, с. 55; 30]. В частности, В. М. Павлов подчеркивает, что лишь в случае второго (темпорального) футура от трансформативных глаголов (ср. [29, с. 50—53, 54]) можно говорить о перфективном значении, а что касается других временных форм, например, перфекта или плюсквамперфекта, то здесь «речь идет хотя и о сильной тенденции, но все же лишь о тенденции, отклонения от которой вполне возможны...» [29, с. 55].

Инвентарь способов действия в немецком языке, впрочем, как и в русском, нестабилен. Основополагающим является первичное деление глаголов на предельные и непредельные, в рамках которых вычленяются более мелкие аспектуальные классы. Некоторые способы действия выводятся за рамки предельности—непредельности, т. к. такие глаголы могут быть и предельными, и непредельными. Например, так называемые аргументативы, т. е. глаголы, выражающие высокую степень интенсивности действия (ср.: *brüllen* «выть, громко плакать» и *weinen* «плакать», *sausen* «мчаться, нестись» и *laufen* «бежать, бегать», *schleudern* «с силой бросать, швырять» и *werfen* «бросать», *stürzen* «свалиться» и *fallen* «падать»), могут быть предельными, непредельными или «рекционально предельными» [23, с. 34], в то время как противочлен оппозиции — деминутивы имеют дуративное, прерывисто-смягчительное или итеративное значения (ср.: *hüsteln* «покашливать» и *husten* «кашлять», *lächeln* «улыбаться, усмехаться» и *lachen* «смеяться, хохотать», *liebeln* «флиртовать, любезничать» и *lieben* «любить», *tänzeln* «приплясывать» и *tanzen* «танцевать, плясать»).

Способы действия выражаются как в лексическом значении корневых глаголов, так и при участии аффиксальных моделей. Лишь при выражении фазовых аспектуальных значений наблюдаются относительно регулярные префиксальные противопоставления, что позволяет квалифицировать их как характеризованные способы действия: *blühen* «цвести» — *erblühen*, *aufblühen* «расцветать, расцвести» — *verblühen* «отцветать, отцвести», *brennen* «жечь, сжигать» — *anbrennen* «зажечь, зажигать», *schlafen* «спать» — *einschlafen* «засыпать, уснуть», *kämpfen* «бороться, сражаться» — *er kämpfen* «завоевать, завоевывать» и т. д.

Аспектологическая модель описания немецкого глагола осложнена делением глаголов на Aktionsart'ы с их семантической классификацией. Одни лингвисты осуществляют семантическую классификацию глаголов

на основе их аспектуального признака, т. е. в рамках категории аспектуальности [31, 32], другие, хотя и не рассматривают семантические классы глаголов и Aktionsart'ы как соподчиненные, но тем не менее объединяют их под общим названием (так, в грамматике Дудена семантические классы и способы действия глаголов объединяются под общим названием «Bedeutungsgruppen und Aktionsarten» [10]), третьи эксплицитно не декларируют связь между семантической субкатегоризацией глаголов и категорией аспектуальности, хотя выделяемые ими семантические классы обнаруживают явную аспектологическую направленность. Особенно это характерно для З. Вендлера, который делит глаголы на три класса: процессивы (processes), состоящие из двух подклассов: 1) агентивов (activities), выражающих действие, которое длится неопределенное время: *run, walk, swim, pull* и т. д., и 2) терминативов (accomplishments), указывающих на предел действия: *paint a picture, make a chair, build a house, write/read (a novel)*, моментативы (achievements): *recognize, realize, spot, lose, find, reach the summit, start, stop, die*, стативы (states): *love, hate, believe, desire, have, possess, like, dislike* [33]³.

А. тен Кате, исходя из наиболее обобщенной аспектологической дихотомии «мутативные — немутативные Aktionsart'ы» (Veränderung — Nichtveränderung), в рамках первого класса глаголов выделяет субкатегории «действия» и «события» (Handlungen und Ereignisse), а немутативный Aktionsart представлен глаголами состояния (Zustände) и глаголами процессов (Aktivitäten) [21, с. 122]. В сущности деление глаголов у А. тен Кате соответствует классификации З. Вендлера.

Все приведенные (и многие не приведенные) выше классы глаголов, рассматриваемые в рамках трансформативности—нетрансформативности—курсивности [31], предельности—непредельности, мутативности—немутативности [32], изменения—неизменения [21] и т. п. или вне этих рамок, характеризуются неодинаково однозначной выраженностью аспектологического признака. Бесспорно и однозначно «аспектуален» во всех классификациях только один класс — глаголы состояния («states», «Zustandsverben», «стативы»). Они образуют ядро непредельных глаголов. Событийные глаголы, и прежде всего их ядро — моментативы можно отнести к предельным. Другим классам свойственна разная степень тяготения к выражению предельности—непредельности. Так, например, глаголы движения, которые обычно входят в глаголы деятельности, могут входить также в класс глаголов действий, если они сочетаются с обстоятельствами, указывающими на цель, направление движения или конкретное расстояние, ср.: *Karl läuft zum Park/Karl läuft einen Kilometer*.

Рассмотренные аспектологические и аспектологически ориентированные классы глаголов представляют интерес при исследовании аспектологических характеристик их номинализаций (в настоящей работе рассматриваются только субстантивные номинализации).

В современной германистике категория вида (аспекта) дискутируется не только в работах по морфологии глагола, она становится предметом изучения и в теории словообразования, в частности, в словопроизводстве имен существительных. В смысловой структуре производных существительных представлены не только аспектуальные, но и залоговые и темпоральные значения [35—37], образующие синтезированные аспек-

³ Термины «агентив», «терминатив», «моментатив» и «статив», рассматриваемые как эквиваленты терминологического ряда З. Вендлера «activities», «accomplishments», «achievements», «states», заимствованы нами у В. П. Недеялкова [34].

туально-диатезно-темпоральные комплексы. В последние годы в исследованиях по аспектологии немецкого языка акцент переместился из глагольной сферы в область номинализаций, а некоторые лингвисты стали даже проводить прямую аналогию между отдельными моделями номинализаций немецкого языка и длительной формой (прогрессивом) в английском языке [20]. Вопрос об аспектуальной дифференцированности (правда, больше имплицитно) некоторых аффиксальных моделей ставился и в исследованиях 50—60-х годов в связи с попыткой выявить различия между категориально гомогенными словообразовательными моделями. Толчком, стимулировавшим постановку проблемы аспектуальности в рамках отглагольных существительных⁴, послужило также развитие теории номинализаций. Сам факт наличия значительного количества деривационных моделей отглагольных существительных, конституирующих одну и ту же деривационно-семантическую категорию, в нашем случае категорию акциональности, свидетельствует о системном их взаимодействии, регулируемом внутренними закономерностями функционирования словообразовательного механизма языка. К таким деривационным категориям в немецком языке относится поле имен действия (*nomina actionis*), в качестве формальных средств выражения которого выступают модели с *-ung*, *-en*, *-Ø*, *-e*, *-ei* (*-elei*, *-erei*), *Ge...e*, *-nis*, *-ation*, *-(e)ment*, *-(t)ur* и т. п. Синхронное сосуществование такого обилия аффиксальных моделей обусловлено рядом причин. Необходимо указать на три важнейшие из них: 1) генетическая гетерогенность производной лексики, т. е. наличие в языке исконного и инородного пластов, характеризующихся разнородными аффиксальными моделями; 2) наличие нескольких моделей в рамках генетически гомогенной лексики, например, исконно немецкой, является следствием сложного взаимодействия системных потенций языка и нормы, проявляющегося в словообразовании в разной лексической дистрибуции деривационных формантов, их лексической обусловленности, связанности; 3) немаловажную роль играют факторы диахронии, выражающиеся в сосуществовании более продуктивных («экспансивных») и непродуктивных, реликтовых моделей.

Если нельзя объяснить наличие двух и более примерно равнопродуктивных моделей с одним (деривационно) категориальным значением перечисленными выше причинами, то различия между такими моделями следует искать в свойствах их грамматического или стилистического характера. Подобного рода различия наиболее рельефны и контрастны в однокорневых моделях. Категория имен действия как раз и представляет тот деривационно-семантический континуум, который оказывается сплетенным из субкатегорий, представляющих действие в зависимости от характера его протекания в разных плоскостях.

В общеграмматических исследованиях и в специальных работах, посвященных номинализациям, с той или иной последовательностью проводится мысль об аспектуальной противопоставленности аффиксальных моделей с *-en* и *-ung*⁵. М. Дейчбейн еще в конце 30-х годов указал на ви-

⁴ В исследованиях по романским языкам также указывается на сохранение в отглагольных номинализациях аспектуальных характеристик базовых глаголов [38].

⁵ Модели с *-en* по аспектуальному признаку противопоставлены также суффиксальные модели с *-Ø*, *-e*. В целях удобства описания вместо «номинализации с *-ung*, *-en*» и т. п. далее в статье приняты латинские сокращения *N-ung*, *N-en*, причем под *N-ung* имеются в виду также номинализации с *-Ø* (*NØ*), *-e* (*Ne*). *N-ung* выступает в качестве обобщенного репрезентанта ряда моделей, образующих аспектуальный противочлен *N-en*.

довую противопоставленность субстантивированного инфинитива другим отглагольным существительным, например, *das Kaufen* («имперфектив»): *der Kauf* («перфектив») [14]. В настоящее время эта точка зрения находит все большее распространение. В связи с этим следует указать по крайней мере на три подхода к постановке проблемы регулярности видовой оппозиции внутри разных моделей номинализаций.

В одних работах аспектуальное значение той или иной модели словопроизводства существительных не выступает на передний план, а упоминается наряду с другими их семантическими признаками [10, с. 468]; ряд исследователей усматривает в моделях *N-ung* и *N-en* сильную тенденцию к образованию видовой оппозиции [39, с. 59; 40, с. 26; 41]; наконец, некоторые лингвисты совершенно однозначно указывают на достаточно четкую аспектуальную противопоставленность *N-ung* и *N-en* [42, с. 28].

Особенно категоричную точку зрения представляет Г. Эсо. Она рассматривает категорию вида в немецком языке как двучленную оппозицию «перфективность—имперфективность», находящую свое формальное выражение прежде всего в номинализациях с *-ung* и *-en* [43, с. 105—106]. Для концепции Г. Эсо характерно то, что в ней не прослеживается какой-либо взаимосвязи между аспектуальными признаками глагола и его номинализацией [43, с. 141]. Таким образом, Г. Эсо впервые в столь очевидной и однозначной форме связывает *N-ung* и *N-en* с категорией перфективности—имперфективности в немецком языке. Иначе говоря, видовые значения обусловлены не глагольными способами действия, а являются результатом номинализации и неотъемлемым свойством моделей *N-ung* и *N-en*.

Отдельного рассмотрения заслуживает точка зрения на аспектуальность глаголов и номинализаций В. Ульмер-Эрих. В. Ульмер-Эрих также видит в *N-ung* и *N-en* формальные средства выражения вида в немецком языке. Однако в отличие от Г. Эсо для нее Aktionsart'ы глаголов и аспекты номинализаций не независимые, а, наоборот, взаимосвязанные явления. По мнению В. Ульмер-Эрих, при номинализации происходит трансформация (Aktionsartverschiebung), возведение заложенных в семантике глаголов Aktionsart'ных признаков в ранг аспектов. При этом она стремится к четкому разграничению понятий Aktionsart'ов, т. е. способов действия, и аспектов. Согласно В. Ульмер-Эрих, Aktionsart'ы — ингерентные семантические свойства глаголов, а аспекты — семантические признаки слов и фраз, выражающие темпорально соотносенную (соотносимую) перспективу действия с помощью морфосинтаксических средств [21, с. 119]. По мнению В. Ульмер-Эрих, между длительными формами, т. е. прогрессивом в английском языке и субстантивной номинализацией в немецком, существует параллелизм [21, с. 8].

Из всех приведенных выше концепций наиболее категоричной и уязвимой является точка зрения Г. Эсо, так как *N-ung* и *N-en* далеко не всегда могут маркировать перфективность и имперфективность. Совсем неприемлемо ее утверждение о независимом характере аспектуальных значений номинализаций от соответствующих значений глаголов. Что касается модели *N-ung* и других ее аспектуальных эквивалентов (*Ne*, *NØ*), то здесь более правильным представляется говорить о сильно выраженной тенденции к выражению перфективности. Существительным с *-ung* свойственно опредмеченное представление действия как планируемого, имеющего или имевшего место факта. *N-ung* выражает действие как нечто целостное, дезактуализированное с точки зрения представления его протекания, эти события предстают перед нами как констатация.

Однако не следует преувеличивать роль *N-ung* в перфективации глагольных действий. Важную роль при этом играет Aktionsart'ная аспектуальная характеристика базового глагола. Например, фазовые терминативы (ингрессивы и эгрессивы), а также моментативы независимо от того, по какой модели они номинализованы, сохраняют свои аспектуальные признаки (разумеется, при отсутствии аспектуальных атрибутов): *Johannisbeeren — ob rot, weiß oder schwarz — lassen sich nach dem Pflücken zwei Tage aufbewahren* (NBI, 1986, 29, с. 33)⁶. Аспектуальная однозначность, в данном случае перфективность номинализаций (ингрессивов, эгрессивов и моментативов), может быть усилена аспектогенными атрибутами, подчеркивающими мгновенность, скоротечность действий (например, *plötzlich, gleich, sofort*): *Das plötzliche Aufwallen meines Gefühles schien ihn zu verwirren* (NBI, 1986, 31, с. 40); *Gleich nach dem Hereinkommen hatte sie den Wasserkessel aufgesetzt, sich umgezogen, gewaschen...* [44, с. 87].

Более надежным и оправданным представляется подход к изучению аспектуальных признаков отглагольных существительных не в качестве изолированных образований (хотя определенные классы глаголов при номинализации сохраняют свои аспектуальные характеристики), а как ядерного компонента номинализованной пропозиции или пропозитивной номинализации, т. к. в составе пропозиции номинализация обнаруживает определенную зависимость от всех обязательных и факультативных актантов в реализации аспектуальных значений базового глагола. Формы *N-ung* и *N-en* можно рассматривать как аспектуальный фон номинализированных пропозиций. В качестве обязательных актантов номинализаций выступают пациенс, локативные адвербиалы и реже агенс.

Важную роль в экспликации аспектуального признака номинализаций играют «аспектуальные наречия» [45], вошедшие в состав номинализованной пропозиции в качестве атрибутивного конституента. В номинализованных пропозициях имеет место сложное переплетение темпорального, аспектуального и таксисного значений. Так, таксис одновременности в сочетании с аспектуальными атрибутами или предложными конструкциями существительных в дативе может вызвать имперфективацию предельных по своему значению глаголов. Одним из распространенных средств выражения дуративности являются номинализации предельных и неопредельных глаголов с предлогами *an, in, bei*. Субстантивированные конструкции с данными предлогами выражают действие, процесс или состояние, попутное и одновременное с действием главного предиката, уточняя обстоятельства его протекания. Все эти конструкции выражают одновременное дуративное действие, независимо от аспектуальной характеристики базового глагола. В качестве ядра номинализованной пропозиции могут выступать номиналы, образованные по разным моделям номинализации и от разных по аспектологическим признакам глаголов, например, конструкция *bei + N_{dat}*: *Es schlug beim Fallen unglücklich mit dem Kopf gegen einen Stein* (NBI, 1987, 15, с. 41) (*fallen* — моментатив); *Jetzt bei der Vernehmung im Zimmer des Kreisamts, macht Geiger den Eindruck eines jungen Hundes, der nicht ganz begreift, warum er geschlagen wird* [44, с. 105] (*vernehmen* — аспектуально нейтральный глагол); конструкция *in + N_{dat}*: «*Sie haben in der Vernehmung behauptet, Sie hätten diese Aktentasche gefunden. Wo war das?*» [44, с. 123]: *Im Ein-*

⁶ В статье приняты следующие сокращения: NBI — Neue Berliner Illustrierte, RZ — Roman-Zeitung, WP — Wochenpost.

schlafen denkt er, sich selbst verspöttend: Schlaf schneller Genosse [NBI, 1987, 17, с. 43]; конструкция *sein + bei, in, an + N_{dat}* с длительным значением в качестве предиката матричного предложения: *Da war die Klasse im Hort schon beim Anziehen, als einem auffiel: Wo ist eigentlich Sandra?* (NBI, 1986, 9, с. 8); Als er früh am Morgen von Friseur zurückkam, *war die Claire am Aufstehen* [46, с. 15].

Дуративность и одновременность характерны для номинализаций, выступающих в составе предложений, в качестве предикатов которых фигурируют перцептивные глаголы (*verba sentiendi*); при этом номинализованным может оказаться как предельный, так и непредельный глагол: *Sie sitzen und sehen seinem Einschlafen zu* [47, с. 47]; *Er schien den Lärm, das Dröhnen des Motors und das Rasseln der Panzerketten nicht wahrzunehmen* (NBI, 1986, 31, с. 39). Однозначным средством выражения длительности действия номинализации являются дуративные атрибуты, встречающиеся особенно часто в номинализациях стативов, эволютивов и других непредельных глаголов; в данном случае таксис нерелевантен: ... vielleicht auch damals, als sie ein wenig jammernd, weil ihr das lange Sitzen auf dem harten Holz weh tat... [48, с. 23]; *Das stundenlange Umherirren* hatte einen mächtigen Appetit in ihm geweckt [49, с. 84]. Дуративность и итеративность характерны для *N-en* также при выражении ими нелокализованных во времени так называемых вневременных, или общевременных, действий. Подобного рода номинализации легко трансформируются в обобщенно-личные предложения с *man*: *Bei fortgesetztem Trinken* verliert sich die Fähigkeit, Bewegungen, Sprachen und Gedanken zu koordinieren... (WP, 1987, 30, с. 30).

Из всех аспектуальных значений свое наиболее последовательное выражение в аффиксальной системе отглагольных имен находит количественно-аспектуальное значение кратности, реализующееся «как совокупность двух сопряженных значений: однократности и неоднократности [50, с. 126]. Семантически компактной группе семельфактивных, т. е. однократных, имен (*Knacks* «треск, хруст», *Klatsch* «звонкий удар, шлепок», *Schuups* «толчок», *Lacher* «взрыв смеха, смешок», *Schnapper* «укус») противостоит категория многократности, обладающая более сложным строением как в плане языковой репрезентации, так и в плане содержания. Неоднократность в системе отглагольных существительных представлена в двух семантических разновидностях: 1) мультипликативная, или многоактная [*Geprassel* «дробь (о звуках); постукивание», *Geflimmer* «сверкание, мерцание»] и 2) итеративная неоднократность (*Gefahre, Fahrgerei* «беспрестанная, надоедливая езда; катание, разезды»). Однако в рамках отглагольных имен не всегда удается проводить разграничение между мультипликативной и итеративной неоднократностью, т. к. обозначаемые ими действия в зависимости от контекста или, шире, среды могут быть моно- и политемпоральными (см. о моно- и политемпоральных ситуациях, представленных в предикативных пропозициях, в работах [50, 51]).

Можно указать на четыре типа номинализаций, отличающихся друг от друга по характеру языковой репрезентации семантической категории неоднократности (мультипликативности и итеративности). 1) **Генетическая неоднократность**. Она наследуется номинализациями от соответствующих глаголов: *das Krabbeln, Plätschern, Streicheln*. Сюда примыкает семантически компактная группа глаголов звучания, при номинализации которых используются, как правило, модели *N-en* и *Ge...ß/e*. К этой группе относятся сенсорные глаголы, т. е. глаголы, выражающие звуки, издаваемые людьми (*Ächzen, Husten, Räuspern, Röcheln, Schluchzen, Schmat-*

zen, Stöhnen), животными ⁷ (*Bellen, Blöken, Brüllen, Grunzen, Heulen, Jaulen, Keckern, Kläffen, Knurren, Miauen, Muhen, Quaken, Quieken, Quiet-schen, Schnattern, Wiehern, Winseln, Zirpen, Zwitschern*), разного рода шумы, создаваемые специальными техническими приспособлениями (*Hupen, Klingeln, Trommeln*) при трениях и столкновении предметов, при работе машин и т. п. (*Klappen, Klappern, Klistern, Klimpern, Klirren, Knacken, Knallen, Knarren, Knattern, Knirschen, Knistern, Krachen, Prasseln, Rasseln, Tacken, Tackern, Ticken*), шумы как явления природы и стихии (*Donnern, Grollen, Plätschern, Rascheln, Regnen, Säuseln, Toben, Tosen*). Эти глаголы выражают действия итеративно-фреквентативного характера. Тяготение к номинализации по модели *N-en* обнаруживают также глаголы мимико-жестового поведения: *Grinsen, Kichern, Lächeln, Lachen, Prusten, Weinen, Nicken, Kopfschütteln, Achselzucken* и т. д. 2) **Пропозитивная неоднократность.** В этом случае итеративность номинализации выражается, как правило, аспектуальными, т. е. итеративными атрибутами, причем итеративироваться могут как предельные, так и не-предельные глаголы. Номинализации предельных глаголов: *Aber die beiden — bei jedem Versagen oder Verbummeln so objektiv, so langmutig, so hilfsbereit* [47, с. 16]. Номинализации не-предельных глаголов: *Sie kennt dieses betuliche Verwöhnen und Umsorgen der kleinen Mutter* [47, с. 96]. Нередко итеративность и дуративность выражаются номинализацией (*N-en*) совмещенно: *Es war ein immerwährendes Kommen und Gehen* [49, с. 11]; *Das monotone Tropfen hatte aufgehört* [52]. 3) **Таксисно обусловленная неоднократность.** Итеративность номинализации высвечивается благодаря наличию в ближайшем окружении грамматической конструкции с эксплицитно выраженной итеративностью: *Gerade von diesem Aufstieg hat er öfter geträumt, wenn der Fuß ihn quälte oder beim Einschlafen, wenn er sich vorstellte, wie schön das wäre: wieder mal eine richtige Kante* [47, с. 18]. Таксисная итеративность обуславливается также итеративным характером действия матричного предиката. В таких случаях номинализованная конструкция легко может быть трансформирована в темпоральное придаточное предложение с союзом *wenn*, выражающее повторяющиеся действия: *Warum gehen eigentlich die schottischen Dudelsackpfeifer beim Musizieren (≈ wenn sie musizieren) immer hin und her?* (BZ, 1986, 5/6, April). При единичном характере действия номинализации трансформируется в темпоральное придаточное предложение с союзом *als*: *Beim Schreiben seines Artikels (≈ als er seinen Artikel schrieb) hatte Kleist natürlich auch das angebliche Testament Peter des Großen im Sinne* (WP, 1987, 41, с. 13). 4) **Неоднократность как результат словообразовательного акта.** Она возникает в результате аффиксации, независимо от того, имеет базовый глагол данное значение или нет. Немецкий язык располагает продуктивными аффиксальными моделями выражения итеративности, сопровождаемой, как правило, длительностью: *-ei(-elei, -erei)* и конфиксы *Ge...ß* и *Ge...e*. В качестве производящих основ существительных с итеративными аффиксами в основном служат непереходные глаголы. Не все аспектуальные классы (способы действия) глаголов одинаково продуктивны в образовании аффиксальных итеративных девербатов. По характеру своего лексического значения в качестве наиболее вероятных производящих основ функционируют итеративы и фреквентативы (*grübeln —*

⁷ Некоторые представители животного мира издают шумы без участия голоса. Такого рода шумы возникают, например, у насекомых благодаря движению крыльев: *summen* (о пчелах), *surren* и *sirren* (о насекомых).

Grübele; *liebeln* — *Liebelei*; *sticheln* — *Stichelei*, *zittern* — *Gezitter*), а также эволютивы, аспектуально нейтральные и неопределенные глаголы. Некоторые семантические группы глаголов обнаруживают явное тяготение к образованию итеративных и дуративных номиналов, например, глаголы звучания, глаголы речевой и мыслительной деятельности, глаголы движения, если последние антропонимичны, т. е. их субъектом является человек. В подобного рода существительных значение итеративности и дуративности нередко сочетается с коннотативными семами. Существительные, образованные от фаунонимичных глаголов, в стилистическом отношении нейтральны. Существительные же, образованные от антропонимичных глаголов, нередко характеризуются эмоционально экспрессивной коннотацией, ср.: *Gebell* «тявканье, лай», *Geblock(e)* «блеяние, мычание», *Gezwitscher* «щебет, щебетание, чириканье» и *Gefrage* «бесконечные расспросы», *Gelaufe* «беготня», *Fragerei* «вечные расспросы», *Lauferei* «беготня», *Schießerei* «перестрелка, беспорядочная стрельба, пальба» и т. п.

Нет тенденции к образованию итеративных номиналов от терминативных глаголов. На их примере можно проследить фактор противодействия или ограничительного влияния лексики на функционирование изограмматической словообразовательной категории. Так, в аспектуальной глагольной оппозиции «терминативность—нетерминативность» терминативы, особенно ингрессивы и эгрессивы, не допускают образования итеративных номиналов, в то время как атерминативы не имеют таких ограничений, ср.: *essen* — *Esserei/aufessen* — **Aufesserei*, *laufen* — *Lauferei/ablaufen, verlaufen, loslaufen* — **Ablauferei*, **Verlauferei*, **Loslauferei*, *rennen* — *Rennerlei/losrennen* — **Losrennerlei*, *schlagen* — *Schlagerei/erschlagen* — **Erschlagerei*.

Не встречаются аффиксальные итеративные и дуративные имена от моментативов: *finden*, *fassen*, *platzen*, *sterben*, *treffen* и т. п. Не образуются такие имена и от стативов (*blühen*, *fließen*, *bleiben*, *grenzen*, *andauern*, *liegen*, *sitzen*, *wachen*, *wohnen*) и каузативов (*beugen*, *fällen*, *öffnen* и т. д.). Характерно, что глаголы, образующие два полюса в аспектуальном континууме — фазовые терминативы (ингрессивы и эгрессивы) — реагируют отрицательно на итеративно-дуративную модель номиналов. Суффиксальные итеративные существительные не имеют каких-либо ограничений в плане сочетаемости с семантически родственными аспектуальными атрибутами.

Аспектуальные различия между *N-ung* и *N-en* в сопровождении аспектуальных атрибутов и без них зависят в известной мере от аспектуальных свойств глаголов. Аспектуальная функция (*aspekt-differenzierende Funktion*) номинализаций с *-ung* и *-en* выявляется путем их постановки в диагностирующее окружение с темпорально-чувствительным предикатом типа «*dauern* + Adv с временным значением». Так, из трех номинализаций в составе следующих предложений 1) *Der Kampf um die Position dauert zwei Jahre*; 2) *Das Erkämpfen des Position dauert zwei Jahre*; 3) *Die Erkämpfung der Position dauert zwei Jahre*, по свидетельству В. Ульмер-Эрих, лишь номинализация *Erkämpfung* может быть ревербализована в виде грамматического статива: *Nach zwei Jahren ist die Position erkämpft*. Первое и второе предложения не допускают подобной перифразы [20, с. 129].

Если *N-en* более однозначны в аспектуальном отношении (они, как правило, вызывают имперфективацию терминативных глаголов), то аспектуальная конфигурация *N-ung* не однозначна. С одной стороны, *N-ung* перфективируют неопределенные (нетерминативные) глаголы, с другой сто-

роны, вызывают имперфективацию терминативных глаголов [20, с. 134], и тем самым осуществляется в определенных контекстах взаимное сближение двух типов номинализаций: *Peters Abfeuern der Salve nimmt eine halbe Stunde in Anspruch. Die Abfeuerung der Salve durch Peter nimmt eine halbe Stunde in Anspruch.*

Иногда наблюдается полная синонимизация *N-ung* и *N-en*, ср.: *Produktionskosmetik — also das nachträgliche Verschönern (die nachträgliche Verschönerung) bereits «fertiger» Produkte — bringt keinen Erfolg* (NBI, 1988, 28, с. 6); *Cornelias Ungehorsam ist Suchen nach ihrem Ich...* (WP, 1988, 21, с. 21); *Die Suche nach Wahrheit, auch der eigenen, ist unbequem, wird unaufhaltsam sein, solange es Menschen gibt* (WP, 1988, 21, с. 15).

При аспектуально нейтральных глаголах оппозиция *N-ung*; *N-en* устаряет аспектуальную неоднозначность. Сравнивая предложения (1) *Leonardo ruft nach Mona Lisa*, (2) *Leonardos Ruf nach Mona Lisa* и (3) *Leonardos Rufen nach Mona Lisa*, В. Ульмер-Эрих отмечает, что в предложении (1) невозможно определить, выражает личная форма глагола однократное или повторяющееся действие. Номинализации же в этом отношении однозначны — *N-ung* выражает законченное однократное действие, а *N-en* — последовательность действий [20, с. 134].

А. тен Кате, посвятившая изучению аспектуальности немецких номинализаций специальную монографию, в качестве основного критерия аспектуального разграничения *N-ung* и *N-en* выбрала тест на сочетаемость с дуративными наречиями. На основе этого теста она доказывает, что оба типа номинализаций встречаются в пропозициях как с трансформативным (*Veränderung*), так и с нетрансформативным действием (*Nichtveränderung*): *Die Fabrik hat die Umwelt jahrelang verseucht; Die jahrelange Verseuchung der Umwelt durch die Fabrik...; Das jahrelange Verseuchen der Umwelt durch die Fabrik...* [21, с. 72].

Однако если базовая пропозиция с индексом дуративности допускает итеративное «прочтение», то значение итеративности сохраняется только в *N-en*, в то время как соответствующие *N-ung* либо аграмматичны, либо выражают ситуацию единичного длительного действия, конкретизированного дуративным атрибутивом, ср.: *Die stundenlange *Unterzeichnung des Vertrags...; Die stundenlange Unterzeichnung der Verträge...; Das stundenlange Unterzeichnen des Vertrags...; Das stundenlange Unterzeichnen der Verträge...* [21, с. 209]. Проверка тезиса, допускает ли номинализация в качестве своего атрибута лексический индекс дуративности, позволила А. тен Кате вывести правило, согласно которому аспектуальность базовой пропозиции наследуется обеими моделями, за исключением того, что *N-ung* в отличие от *N-en* не может выражать итеративность [21, с. 244—245].

Включение в состав номинализаций темпорально-аспектуальных атрибутов не является единственным и универсальным способом выявления перфективности—имперфективности номинализованных пропозиций. Перфективность номинализаций тесно связана с таксисом предшествования. Предшествующее, особенно единичное действие, выраженное номинализацией *N-ung* в окружении своих актантов, в особенности пациентива (*genitivus obiectivus*), является, как правило, перфективным. Нередко предшествование и перфективность образуют комплекс, осложненный причинно-следственными связями между действиями: *Uwe D. mußte sich daher auch wegen unbefugter Benutzung eines Fahrzeuges verantworten* (NBI, 1988, 29, с. 31).

Сопряженное выражение перфективности и предшествования имеет

место также в тех случаях, когда значение главного предиката предложения содержит указание на темпорально-ретроспективный характер сопровождающего действия. Здесь возможны различные модели номинализаций: Pietro Gracco, wir *danken dir für dein Kommen* (\approx dafür, daß du gekommen bist) und deine *Beileidsbekundung* (\approx und dein Beileid bekundet hast) zum Ableben unseres hochverehrten Vaters (NBI, 1987, 16, с. 39); «Genosse Hauptmann», meldet der Leutnant, und es ist etwas wie Triumph in seiner Stimme, «die *Durchkämmung* des Grünstreifens, das *Absuchen* des umliegenden Geländes *hat nichts ergeben*» (44, с. 23).

Перфективность некоторых предложных конструкций с номиналами от терминативных глаголов сопряжена с двумя таксисами — предшествованием и частичной (мгновенной) одновременностью. В таких случаях имеет место быстрая, мгновенная контактная смена событий, действий, и конец одного действия на какое-то мгновение может совпасть с началом другого действия: *Beim Erhalt* der Nachricht des Abwurfs der Atombombe auf Hiroshima *vermochte* Einstein *nichts weiter zu sagen* als: «O weh!» (WP, 1987, 3, S. 17); *Bei* unserem Eintritt in den Arbeitsraum *erhoben sich* etwa dreißig Mädchen *sittsam* von ihren Sitzen... (53, с. 90).

Аспектуальная оппозиция неравнообъемна в смысле охвата лексики, т. к. практически от всех глаголов могут быть образованы существительные с *-en*⁸, между тем как модель *N-ung*, занимающая в немецком языке ведущее место по своей продуктивности и частотности [10, с. 468], не может претендовать на подобную универсальность. Универсальность *N-en* позволяет заполнить те лакуны, которые по разным причинам не могут быть аранжированы другими моделями. Эта особенность *N-en* имеет определенные последствия также для их аспектуальной характеристики. *N-en*, квалифицируемые обычно как имперфективы, выражают перфективность во всех тех случаях, когда язык не располагает другими, однокорневыми номинализациями, т. е., иначе говоря, не имеет суффиксальной альтернативы и *N-en* является единственным представителем поля *nomina actionis*. Можно привести значительное число такого рода *N-en*: *Aufatmen*, *Aufblitzen*, *Aufflackern*, *Aufkommen*, *Aufleuchten*, *Aufwallen*, *Eintreffen*, *Einfrieren*, *Erscheinen* и т. д.

В ряде случаев, когда в языке представлены однокорневые *N-ung* и *N-en*, употребление *N-en* в перфективном значении обусловлено внутрисистемными причинами самого словообразования, а именно, *N-ung*, являющиеся аспектуальными противочленами *N-en*, оказываются конститuentами другой деривационно-семантической категории, например, абстрактных понятий, локативности и т. п., ср.: *Erscheinung* «явление; симптомы; внешность; призрак, привидение, печатное издание» и *Erscheinen* «появление; явка; выход из печати»: *Seit dem Erscheinen Ihres Buches* sind Jahre vergangen (WP, 1987, 41, с. 12), ср. далее: *Bleibe* разг. «ночлег, пристанище, убежище, кров, жилище» и *Bleiben*: *Aber davon verriert er nichts*, und auch jene Gundula erfuhr lange nicht, daß sie ein bestimmender Grund für *sein Bleiben* in Mühlen war [44, с. 4].

Асимметрия в плане охвата лексики между *N-ung* и *N-en* является одним из факторов, обуславливающих их параллельное функционирование в идентичных в аспектуальном отношении контекстах: «Genosse Hauptmann, — meldet der Leutnant... — die *Durchkämmung* des Grünstreifens, das *Absuchen* des umliegenden Geländes *hat nichts ergeben*» [44, с. 23]; Der

⁸ Список глаголов, составляющих исключение из этого правила, см. в работе [54].

«Scotsman» geht auf Nutzen eines Teststopps für ein *Einfrieren* der nuklearen Rüstungen und die *Nichtweiterverbreitung* von Kernwaffen ein (ND, 1986, 1. April).

Отягощенность номиналов с *-ung* тенденцией к конкретному опредмечиванию и плюрализации служит фактором, способствующим их дезаспектуализации. Предпосылки к конкретному опредмечиванию *N-ung* заложены уже в их тенденции к выражению перфективности, представлении действия в его целостности: *Eroberungen*, bei denen der Reiz nur *im Erobern* besteht. Wir aber wollen besitzen [46, с. 21]. Особенно рельефны аспектуальные различия между номинализациями, восходящими к аблаутным формам глагола, указывающими на целостный, одноактный характер действия, и *N-en*, подчеркивающими процессность, непрерывность, ср.: *Bei unserem Eintritt* in den Arbeitsraum erhoben sich etwa dreißig Mädchen sitzsa von ihren Sitzen [53, с. 90]; Sie resultiert vor allem aus dem *aktiven Eintreten* der DDR und Spaniens für Entspannung und Zusammenarbeit auf unserem Kontinent (WP, 1988, 41, с. 9).

Анализ аспектуальных характеристик немецких глаголов в парадигматике, т. е. как единиц вокабуляра (в инфинитивной форме и в составе пропозиции), с одной стороны, и соответствующих номинализаций, с другой, показывает их аспектуальную соотносительность. Однако между ними нет полного параллелизма. Им присущи разные аспектуальные потенции в предложении и тексте. Номинализация как бы упрощает, «огрубляет» аспектуальные признаки соответствующего базового глагола. Глагол характеризуется в тексте большей синтаксической гибкостью и благодаря этому и большими аспектуальными потенциями. Если практически любой глагол благодаря контексту может выражать как предельное, так и не-предельное действие, то номинал в аспектуальном отношении существенно ограничен, ср.: *das Rauschen* des Waldes, der Bäume (дуративно-фреквентативное действие) и *Die Bäume rauschten* (дуративно-фреквентативное действие) *vor unseren Fenstern, und sie rauschten mich aus einem Traum...* (перфективное действие) [46, с. 53].

На основе проведенного выше анализа аспектуальных признаков глаголов и их номинализаций можно сделать некоторые выводы.

1. В немецком языке аспектуальность в сфере глагольной лексики не обладает грамматическим ядром, а аспектуальные классы предельных и не-предельных глаголов (терминативов и атерминативов) являются лексико-грамматическими разрядами, т. е. грамматически значимыми классами, обнаруживающимися с разной степенью интенсивности и последовательности при функционировании неличных и временных форм глагола (последние образуют аспектуальную шкалу, в которой можно выделить такие глагольные формы с перфективным значением, как причастие II переходных и непереходных предельных глаголов, темпоральный футур II, с одной стороны, и аспектуально нейтральные формы типа инфинитив I, презенс и претерит, — с другой). В отличие от русского языка, в котором категория аспектуальности «морфологоцентрична» [3, с. 109], в немецком языке она фразоцентрична. Поэтому употребление терминологической корреляции «перфективность — имперфективность», правомерной по отношению к славянским языкам, не оправдано по отношению к немецкому глаголу ввиду отсутствия в нем морфологически выраженной видовой поляризации, разведенности глаголов по видовым полюсам.

2. Между характеризованностью и нехарактеризованностью аспектуальных значений в сфере глагольной лексики и в классе номинализаций выявляется противоположная картина, а именно: если в области глаголь-

ной лексики более или менее последовательной аффиксальной маркированностью обладают лишь фазовые способы действия, то в сфере номинализаций возрастает степень формальной выраженности ряда аспектуальных значений. Таким образом, данная формально слабо характеризованная глагольная категория, как это ни парадоксально, трансформируется в категорию, находящую более последовательное выражение в грамматической предметности, т. е. в отглагольных существительных.

3. В немецком языке, в отличие от славянских языков, в соотношении «глагол — имя действия» имеет место разнонаправленная, противоположная аспектуальная асимметрия. Поясним сказанное. В русском языке номинализация глагольной фразы сопровождается аспектуальной конвергенцией (или нейтрализацией) видовой пары (ср. *уничтожить/уничтожать* → *уничтожение*), в немецком же языке представлена противоположная асимметрия: один глагол → две аспектуально дифференцированные номинализации (*zerstören* → *Zerstörung/Zerstören*, *erobern* → *Eroberung/Erobern*).

4. Между типами переходности, терминативностью (реальной и потенциальной) глаголов и аспектуальными значениями *N-ung* и *N-en* существует определенная взаимосвязь. *N-en* при наличии соотносительного однокорневого *N-ung* выражает нецелостность, процессность действия, в то время как *N-ung* помимо выражения целостного и общефактического действия развивает нередко значение эффициенса. Обычно это имеет место при номинализациях глаголов, названных Ю. С. Степановым глаголами «аналитической эффективной переходности», действие которых «выходит за пределы субъекта и переходит на объект, но сам объект создается лишь в процессе действия» [55, с. 308]. Такого рода глаголы характеризуются терминативно-конструктивным значением, в котором как бы «запрограммирован», предусмотрен результат-продукт, например: *Gestrick* — это не только определенное действие («вязание»), но и вязанные изделия, *Bohrung* «1. сверление, 2. высверленное отверстие» и т. п.

5. Номинализации в сочетании с таксисными предлогами⁹ в немецком языке выступают в качестве наиболее продуктивного средства выражения относительного временного значения, точнее, зависимого таксиса в рамках простого осложненного предложения. Таксис одновременности и процессность, длительность и таксис разновременности-предшествования, выражаемые *N-en* и *N-ung* в сочетании с соответствующими предлогами, и сопряженность этих значений с аспектуальными признаками главного предиката — все это образует сложный темпорально-аспектуально-таксисный комплекс номинализованной пропозиции.

6. Констатируя аспектуальные различия между разными моделями номинализаций, следует одновременно указать на специфику аспектуальных значений в сфере номинализаций, заключающуюся в том, что, во-первых, речь идет не об онтологически присущей существительным как

⁹ В зарубежной и отечественной германистике широко употребляются термины «темпоральные предлоги», «темпоральные союзы». Однако нельзя привести ни одного предлога или союза со значением настоящего, будущего или прошедшего времени, но можно назвать целый ряд предлогов и союзов, однозначно указывающих на одновременность или разновременность (предшествование и следование) действий. Поскольку, по определению А. В. Бондарко, категория таксиса трактуется «как временное отношение между действиями» [56], такого рода предлоги и союзы следовало бы квалифицировать как таксисные.

части речи категории (важно также подчеркнуть, что аспектуальная оппозиция характерна не для всего класса существительных, а лишь для грамматической предметности в строгом смысле слова), во-вторых, аспектуальные признаки номинализаций выступают не как признаки подлинных, т. е. базовых, предикативных пропозиций, а как признаки свернутой, номинализованной, полупредикативной пропозиции, т. е. фрагмента предикативной пропозиции, равного словосочетанию, правда, словосочетанию особого ранга.

7. Аспектуальная оппозиция *N-ung/N-en* неравнообъемна в количественном и качественном отношениях. Модель *N-en* обладает грамматической универсальностью в смысле охвата лексики, а *N-ung* характеризуется значительными ограничениями, обусловленными рядом причин. Качественное различие между анализируемыми моделями заключается в том, что один член данной оппозиции (*N-en*) аспектуально однозначен (он выражает процессность, длительность), а другой ее член (*N-ung*), обладая сильной тенденцией к выражению целостного действия, может служить также имперфективации или итеративации значения номинализируемого глагола. Следовательно, *N-en* может быть квалифицирован как маркированный член данной оппозиции, а *N-ung* как немаркированный или нейтральный член. В любом случае модель *N-ung* недостаточно последовательно маркирует перфективность действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lyons J. Semantics. 1—2. Cambridge, 1977.
2. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
4. Бондарко А. В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
5. Русская грамматика. Ч. I. М., 1980.
6. Мучник И. П. О видовых корреляциях и системе спряжения в современном русском языке // ВЯ. 1956. 6.
7. Sprachwissenschaftliches Wörterbuch / Hrsg. von Knobloch J. Heidelberg, 1961.
8. Beck G. Verb — Satz — Zeit. Zur temporalen Struktur der Verben im Französischen. Tübingen, 1987.
9. Grundzüge einer deutschen Grammatik // Hrsg. von Heidolph K. E., Flämig W. und Motsch W. B., 1981.
10. Duden. Bd 4: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. F. 78.
12. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 47.
13. Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976. P. 3.
14. Deutschbein M. Aspekte and Aktionsarten im Neuenglischen // Neuphilologische Monatsschrift. 1939. 10.
15. Renicke H. Grundlegung der neuhochdeutschen Grammatik Zeitlichkeit — Wort und Satz., B., 1961.
16. Erben J. Deutsche Grammatik: Ein Abriss. München, 1972.
17. Bache C. Aspect and Aktionsart: towards a semantic distinction // JL. 1982. 18.
18. Isačenko V. A. Die russische Sprache der Gegenwart. Tl 1: Formenlehre. 2. unveränderte Aufl. Halle; Saale, 1968.
19. Klein H. G. Tempus, Aspekt, Aktionsart // Romanistische Arbeitshefte. 1984. 10.
20. Ullmer-Ehrlich V. Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen. Kronberg, 1977.
21. Cate P. *ten*. Aspektualität und Nominalisierung. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1985.
22. Степанов Ю. С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1978. С. 338.

23. *Andersson S.-G.* Aktionslätät im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I: Die Kategorien Aspect und Aktionsart im Russischen und Deutschen. Uppsala, 1972.
24. *Steinitz R.* Der Status der Kategorie «Aktionsart» in der Grammatik oder: Gibt es Aktionsarten im Deutschen // Linguistische Studien-A. 1981. Bd 76. S. 121.
25. *Kunze J., Jung U., Kutner H.* Probleme der Selektion und Semantik // Studia grammatica. B., 1987. XXVIII.
26. *Шубик С. А.* Аспектуальность и залоговость в немецком языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 170.
27. *Flämig W.* Zur Funktion des Verbs; Tempus und Temporalität — Modus und Modalität — Aktionsart und Aktionalität // Probleme der Sprachwissenschaft. Leipzig, 1971. S. 285.
28. *Balin V. A., Zerebkov V. A.* Аспектуell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen // Linguistics. 1973. 117.
29. *Павлов В. М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
30. *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
31. *Fabricius-Hansen C.* Transformativ, intransformativ und kursive Verben. Tübingen, 1975.
32. *Platzack Ch.* The semantic interpretation of Aspect and Aktionsarten. A study of internal time reference in Swedish. Dordrecht, 1979. P. 68.
33. *Vendler Z.* Linguistics in philosophy. Ithaca; New York, 1967.
34. *Недялков В. П.* Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
35. *Мурасов Р. Э.* О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // ВЯ. 1976. 5.
36. *Мурасов Р. Э.* Словопроизводство и грамматические категории // ВЯ. 1979. 3.
37. *Мурасов Р. Э.* Грамматика производного слова // ВЯ. 1987. 5.
38. *Lüdtke J.* Prädikative Nominalisierungen mit Suffixen im Französischen, Katalanischen und Spanischen // Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. Bd 166. Tübingen, 1978.
39. *Schippan Th.* Die Verbal substantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habilitationsschrift. Leipzig, 1967.
40. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962. S. 26.
41. *Wellmann H.* Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache: Das Substantiv. Düsseldorf, 1975.
42. *Schäublin P.* Probleme des adnominalen Attributs in der deutschen Sprache der Gegenwart. Morphosyntaktische und semantische Untersuchungen. N. Y.; B., 1972.
43. *Esau H.* Nominalization and complementation in modern German. Amsterdam, 1973.
44. *Steinberg W.* Fahndung nach dem Untier // RZ. 1983. 2.
45. *Verkuyl H. J.* On the compositional nature of aspect. Dordrecht, 1972.
46. *Tucholsky K.* Rheinsberg / Schloß Gripsholm // RZ. 1982. 10.
47. *Bruns M.* Szenenwechsel // RZ. 1984. 7.
48. *Brežan J.* Bild des Vaters // RZ. 419. S. 23.
49. *Panitz E.* Die Feuer sinken // RZ. 1970. 2.
50. *Храковский В. С.* Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
51. *Храковский В. С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
52. *Schulz J.* Laufen ohne Vordermann. B., 1979.
53. *Kisch E.* Das tätowierte Porträt. Reportagen aus fünf Kontinenten. Leipzig, 1976.
54. *Sandberg B.* Die neutrale -(e)n-Ableitung der deutschen Gegenwartssprache // Göteborger germanistische Forschungen, 1976. Bd 15.
55. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981. С. 308.
56. *Бондарко А. В.* Таксис // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 234.